

ЭО, 2009 г., № 5

© П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ПРОФЕССИЯ*

Ключевые слова: социальная антропология, наука, специальность высшего образования, профессия

Альфред Луис Крёбер доказывал в своих исследованиях, что периоды научного подъема согласуются с эпохами общего национального и культурного процветания, однако сам же предостерегал от опасности возведения этого вывода в ранг закона (Крёбер 2004). Гуманитарные и социальные науки расцвели на постсоветском пространстве в 1990-е годы, и это соответствовало определенному этапу национально-культурного развития, хотя процветанием его вряд ли можно назвать. В тот период бурно развивалась социология, формировались новые конфигурации научных сред (Тевено 2006), возникали еретические (с точки зрения существовавших моделей социологии) или революционные течения, новые школы, вокруг которых собирались вдохновенные единомышленники. Практически одновременно с учреждением социологического образования в разных городах и вузах страны была открыта и специальность “социальная антропология”, и ее развитие было не столь масштабным, но все же заметным явлением. В начале и середине 2000-х годов в социологии были осуществлены усилия по интеграции, однако научное поле остается по-прежнему сегментированным (напр., см.: Погорелов, Соколов 2005). Символическая борьба на поле социальной антропологии и конфигурация академических сообществ в контексте властных решений по поводу структуры воспроизводства профессиональных кадров составляют предмет настоящей статьи.

День закрытых дверей для социальной антропологии

Для самосохранения любой вид деятельности, и наука – не исключение, нуждается в подмастерьях, в новой поросли кадров. Для того чтобы обеспечить эту преемственность, ученые преподают в университетах, руководят дипломниками и аспирантами. Наверное, в каждой научной отрасли сегодня есть структура воспроизводства кадров – вузовская программа, научная специальность, кафедра в университете, соответствующий вид специализированной занятости вне академии. Нас заинтересовала противоречивая конфигурация этой структуры в случае социальной антропологии.

С одной стороны, высшее профессиональное образование (ВПО) по специальности 350100 “Социальная антропология” было введено в России в 1992 г., и, казалось бы, эта специальность довольно молода. С другой стороны, этнография как предшественница социальной антропологии (а подчас это лишь синонимы) в России разви-

Павел Васильевич Романов – доктор социальных наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, директор Центра социальной политики и гендерных исследований (Саратов).

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова – доктор социальных наук, профессор, заведующая кафедрой социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета.

вается с XVII в. Институт этнологии и антропологии РАН¹ – старейшее гуманитарное научное учреждение страны, берущее начало от Петровской Кунсткамеры. И хотя высшее профессиональное образование по социальной антропологии было учреждено, такой должности, как “социальный антрополог”, в Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов не было. Получается, что выпускник, имеющий по диплому квалификацию “социальный антрополог”, не может трудоустроиться в полном соответствии с полученным дипломом, поскольку ни в одном учреждении такой должности не предлагается. Напротив, любой человек, который занимается тем, что представляется ему или ей социальной антропологией, может себя именовать антропологом, указывая на это резюме, визитной карточкой, да и всем своим габитусом.

Границы идентификации оказываются еще более зыбкими, как и судьба самой науки, поскольку специальности “социальная антропология” в России осталось еще от силы пять-шесть лет, ибо на то есть специальное решение Министерства образования. С закрытием специальности проблема воспроизводства социальной антропологии как науки встает во весь рост.

В 2010 г. все вузовские преподаватели, связанные с социальной антропологией как специальностью высшего профессионального образования, станут свидетелями печального события – на нее прекратится прием абитуриентов. Слухи о намерении чиновников прибегнуть к такому решению в условиях перехода к международной двухступенчатой системе “болонского” типа ходили в 2005 г. (в рамках процесса сокращения и укрупнения числа ненужных/избыточных специальностей на первой ступени вузовского образования). Затем появилась информация о том, что специальность включили в направление “социальная работа”, а окончательное решение Министерства образования вывести ее из рубрикатора направлений принято осенью 2007 г. на заседании УМО – по традиции оно было донесено в виде “принять к сведению”, т.е. без широкой дискуссии заинтересованных сторон, включая практикующих специалистов.

Как организационно выглядит ликвидация специальности социальная антропология? Согласно Классификатору направлений и специальностей высшего профессионального образования, утвержденному приказом Госкомвуза России от 5 марта 1994 г. за № 180, специальность 020500 “социальная антропология” относилась к группе 020000 “Гуманитарно-социальные специальности” наряду со специальностями 020300 “социология” и 022100 “социальная работа”. В 2000 г. эта специальность под кодом 350100 в новом Перечне направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования уже относилась к группе 350000 “Междисциплинарные специальности” (Указатель...) (вместе с социальной работой и многими другими). Специальность “социология” относилась к группе 020000 “Гуманитарно-социальные специальности”. Была в этом перечне и группа 520000 “Гуманитарные и социально-экономические науки”, где уже фигурировали направления “социология” и “социальная работа” (с бакалавриатом и магистратурой). Несколькими годами позже в Общероссийском классификаторе специальностей по образованию ОК 009-2003² специальность 040102 “социальная антропология” входила в группу 040000 “Социальные науки” под рубрикой 040100 “социальная работа”. Для социологии тогда образовали в той же группе “Социальные науки” самостоятельную рубрику 040200. Характерно, что социология и социальная работа были указаны как специальность и направление (с бакалавриатом и магистратурой), а вот социальная антропология представлялась только в рамках специальности, что в контексте ускоренной колонизации могло означать лишь ее ликвидацию. Практически та же картина воспроизведена в Перечне направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования 2005 г.³

Так завершается более чем 10-летняя история подготовки профессиональных социальных антропологов в России – через 5 лет, таким образом, состоится последний

выпуск специалистов, принятых на первый курс обучения в 2009 г. Сегодня, по имеющимся у нас данным, обучение специалистов по вузовской специальности “социальная антропология” ведут 17 вузов⁴, из них четыре классических университета, восемь технических, педагогический, экономический, а также Российский государственный социальный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Один негосударственный университет (ЕУ СПб) осуществляет поствузовское образование по антропологии. В настоящее время в разных вузах эту специальность получают около 1300 студентов. Подготовка социальных антропологов ведется в Екатеринбурге, Владивостоке, Ижевске, Москве, Находке, Новосибирске, Орле, Омске, Санкт-Петербурге⁵, Саратове, Тюмени, Чите. Интересно, что разрешение на открытие специальности “социальная антропология” все эти годы следовало получать в Учебно-методическом объединении по социологии и социальной антропологии, базирующемся на социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Правда, в Московском университете нет кафедры социальной антропологии⁶, студентов по этой специальности там тоже не готовят и никогда не готовили, а саму специальность считают “бесперспективной с рыночных позиций” (из беседы с преподавателями социологического факультета).

Тем не менее преподаватели и декан социологического факультета МГУ издали несколько наименований учебной литературы под названием “Социальная антропология”⁷, поскольку одноименная дисциплина входит в стандарт 5-летней программы специальности 020300 “социология”. Эта учебная литература, на наш взгляд, играет свою роль в формировании консенсуса среди тех преподавателей, которые ведут курс социальной антропологии у студентов-социологов, а возможно, повлияла и на преподавателей, работающих на отделениях антропологии. Авторитет “главного вуза страны”, УМО и солидные тиражи изданий зафиксировали символическую конфигурацию социальной антропологии – с одной стороны, в рамках исторического материализма: “теория и эмпирические данные антропогенеза и социогенеза; типология ранних обществ и исторические этапы развития традиционного общества” (*Кравченко 2005; Добренков, Кравченко 2008*), а с другой стороны, в метафизическом мыслительном формате “связь человека как био-психосоциального существа, т.е. существа мыслящего, понимающего других, переживающего и творящего, с деперсонализированными сферами его окружения, нейтрально или враждебно чуждыми ему” (*Милюшев 2007*).

В первой, эволюционистской концепции озвучиваются догматы колониального метанарратива, свойственного для так называемых органических интеллектуалов, которые занимаются производством, дискурсивным обоснованием и распространением идеологий, озвучивая мировоззрение и интересы определенного класса, легитимируя его роль в истории, притязания на власть и на управление процессом общественного развития в духе упомянутых выше ценностей (*Бауман 2003*). Обе приведенные версии определения предмета социальной антропологии в своей идеологической основе характеризуются избеганием критической перспективы, равно как и акцента на полевых исследованиях – первооснове, пожалуй, большинства антропологических школ.

Несмотря на то что закрытие приема абитуриентов на специальность “социальная антропология” ударит по интересам многих, можно предположить, что все произойдет буднично и спокойно – вряд ли кто-то из абитуриентов или студентов выйдет на митинги с требованиями вернуть университетам любимую ими специальность, преподаватели выпускающих кафедр не станут засыпать Министерство образования петициями, страницы газет и журналов не будут пестреть публикациями с рассказами о социальной антропологии, которую мы теряем и разрушительных последствиях этого недалеконovidного решения неведомых администраторов, которые, приближаясь к болонским стандартам высшего образования, сочли эту специальность ненужной для России. Выступления на заседании УМО в МГУ декана социологического факультета СПбГУ Николая Скворцова и некоторых других членов преподавательской

корпорации, включая авторов статьи, а также коллективное письмо в адрес министерства в защиту специальности несколько лет назад, к сожалению, не спасли положения (а возможно, уже и не могли спасти).

Неприятно осознавать, однако приходится признать, что проект создания сильной, базирующейся на многолетних международных традициях исследований и преподавания университетской социальной антропологии потерпел провал. Непостижимо, но такая эндемическая кабинетная (*arm-chair*) дисциплина, как “культурология”, возникшая в местном контексте на руинах исторического материализма с использованием идей советской социальной философии и своеобразных референций из *cultural studies*, остается среди учебных предметов, и позиции ее укрепляются. А социальная (культурная) антропология с ее колоссальной историей и нынешним развитием, наличием многочисленных кафедр и научных центров по всему миру (в США, например, в 2001 г. была 131 программа, в Великобритании в 2005 – 20, во Франции – 14 и шесть крупных исследовательских центров, где тоже осуществляется образование⁸) в России перестает существовать на уровне бакалавриата, теряет статус и символический капитал. Вероятно, именно в связи с дефицитом символического капитала трудно ожидать и общественного недовольства по поводу закрытия высшего профессионального образования по этой специальности.

Как видно, в России так и не сложилось сообщества преподавателей и ученых в области социальной антропологии со сколь-нибудь общим, разделяемым большинством пониманием содержания дисциплины, ее предметной области, эпистемологии, истории субдисциплин, стандартов исследования, методов преподавания и требований к научным результатам. Рабочие программы и иные компоненты учебно-методического обеспечения этой специальности или предмета, читаемого представителям разных гуманитарных специальностей (историки, социологи, философы, специалисты по связям с общественностью), поражают разноголосицей в изложении похожих тем и проблем. Ортодоксальная научная среда, представляющая неоклассическую “дисциплинарную матрицу”, по Лорану Тевено (*Тевено* 2006), не приемлет “еретические”, революционные школы или новые течения. При этом каждая такая конфигурация научной среды отличается принципами управления научной работой, методическими установками, способами легитимации собственной правоты и значимости – “порядками величия”.

Эти различия во многом обусловлены научной базой авторов курсов и руководителей/идеологов кафедр. Так, одни специалисты пришли в антропологию из истории или этнографии и занимаются изучением быта малых народов, описанием их обычаев и традиций. Здесь собирают фольклор, артефакты и сведения о народном костюме, утвари и жилье – и это в целом совпадает с определением, предложенным в одном из словарей начала 1990-х годов: социальная антропология – это “отрасль этнографической науки, которая исследует социальные институты и отношения в докапиталистических странах” (Словарь 1990)⁹. Другие представители университетского сообщества занимались ранее философией, философской антропологией (или социальной философией) и рассказывают студентам о “социальной антропологии как науке о человеке и его общественном бытии” (*Глухачев* 2005). Например, социальная антропология трактуется как философская дисциплина, постигающая всеобщее посредством исследования человеческого бытия, осмысленного со стороны социальности. Показывается целостный философский образ человека как существа, органически соединяющего в своей деятельности природное и духовное начала, осуществляющего преобразование сил природы в силы и факторы социокультурного бытия (*Почта* 2004).

Предлагается, например, такая программа: “Социокультурная антропология: возможные подходы. 1. Раздел социологии, объектом изучения которого являются примитивные и традиционные формы общества и традиционное формирование общества в отличие от его современных форм. 2. Социокультурная антропология – аналог этнологии, занимающийся обобщением социологии и культурологии истории народов всего

мира. 3. Социокультурная антропология – ответвление философской антропологии” (Колодий 2004).

Третьи базируются на феноменологической социологии, социальной истории, современной антропологии и ассоциируют антропологию с междисциплинарным изучением современного общества и его субкультур с привлечением интерпретативных полевых, архивных, визуальных методов (среди них авторы данной статьи, ученые Центра независимых социологических исследований, преподаватели и выпускники Европейского, а также Санкт-Петербургского университетов).

Различия между этими тремя интеллектуальными течениями проявляются не только в списках цитирования и специальных диссертационных советах. Важная особенность первых двух групп – вполне отчетливое избегание обсуждения социальных проблем (исключение составляют межэтнические взаимодействия и конфликты). Так и возникли эти странные научные лагеря, растащившие социальную антропологию за свои ограды, заняв круговую оборону. Всем, независимо от базового образования, хотелось бы сохранять свою власть, утверждаться как профессионалам посредством публикаций и прочих доступных ресурсов. Так возникали условия для воспроизводства непреодолимой разделенности внутри академической дисциплины и складывались механизмы, препятствующие любой попытке интеграции.

Производство общепризнанных знаний в каждом из стилей научного творчества, по мысли Тевено, связано с проблемой общественного признания – не только положительной оценкой (у каждого стиля творчества свои параметры оценивания), но и критикой (способами разоблачения несправедливо вознесенного и реабилитации незаслуженно забытого). Каждый из режимов враждебно настроен по отношению к другим, претендует на всеобщность, на упорядочение всего человечества только по своей собственной модели. Множественные формы оценки знания вступают в конфликты и стараются дискредитировать друг друга. Для ослабления критического напряжения между ними необходимы компромиссы (Тевено 2006), которые возникают лишь локально и временно, в виде инсценировок – на официальных встречах ученых.

Говоря об отечественной антропологии, следует сказать, что для объединения представителей кафедр и факультетов, выпускающих социальных антропологов, было проведено несколько мероприятий. Однако все они носили недостаточно широкий характер, чтобы решить общие проблемы и прийти хотя бы к какому-то консенсусу. Попытки собрать “круглые столы” по проблеме обучения социальной антропологии в вузах предпринимались и на конгрессах социологов и этнографов. Все усилия заканчивались по-разному – иногда вялой дискуссией, общими пожеланиями, чтобы кто-то пришел и навел порядок, иногда – энергичными призывами к объединению социальных антропологов и созданию стоящего образования в России. Но в целом результат можно охарактеризовать как локальный или нулевой. Так и не нашлось общепризнанного научного авторитета, который, обладая достаточной символической властью, сумел бы добиться большей интеграции. Не оказалось и ясно выраженной персонифицированной (что, скорее, ожидаемо в нашей академии) административной власти со своими интересами, которая смогла бы отстоять перед другими чиновниками интересы конкретных образовательных структур (в конечном смысле – сообщества, стоящего за ними). Тем, кто пытался интегрировать дисциплину и созвать коллег на такие мероприятия, видимо, не хватило символических ресурсов для осуществления своих планов (авторы сами принимали участие и инициировали такие безрезультатные попытки).

В итоге все предпочли занимать свои ниши, заниматься собственными делами, воспринимая коллег из других лагерей либо как непримиримых конкурентов на интеллектуальном поле, с которыми якобы политически опрометчиво искать общий язык, либо считая другие традиции как профанацию или нечто совершенно чуждое, лишь по чистой случайности имеющее общее название. Почему же инстинкт самосохранения

не подтолкнул эти группы к объединению и коллективному действию хотя бы ради собственного спасения? Можно предположить, что причин было несколько: во-первых, социальная пассивность преподавательской корпорации, отсутствие навыков мобилизации; во-вторых, убеждение всех членов кафедр и факультетов, обреченных на исчезновение, в том, что реально мало что изменится в их жизни – они просто перейдут туда, откуда пришли – на факультеты истории, философии, социологии. Все надеются, что ничего серьезно не потеряют и продолжат заниматься примерно тем же, но под другой крышей; в-третьих, группа интересов слишком мала – менее 20 высших учебных заведений, для которых закрытие одной, нередко непрофильной для вуза специальности, будет не столь заметным явлением; в-четвертых, малые потоки студентов, отсюда – не слишком велик риск сильного сокращения штатов.

Как печальный итог того, что не удалось добиться – социальная антропология так и не была признана в Министерстве образования дисциплиной, нуждающейся в полевой практике и экспедиционных бюджетах. Поэтому если летние полевые экспедиции и были, то они проводились за счет каких-то иных средств, объем которых зависел непосредственно от доброй воли руководителей вуза и факультета, личной “пробивной силы” и просто от желания руководителя кафедры, от его/ее представлений о необходимости таких экспедиций в получении квалификации будущими антропологами.

Другое, что не состоялось – и это одновременно парадоксально, но весьма характерно для социальной антропологии в России – она так и не вошла в классификатор профессий и должностей. В нем есть много как из устаревших, так и из совершенно новых профессионально-квалификационных групп, а социальной антропологии нет. Стоит ли говорить, что по специальности “социальная антропология” не было открыто и поствузовского образования (аспирантуры¹⁰), а кандидатские и докторские диссертации выпускники-антропологи защищают в исторических, философских или социологических советах.

Говоря о том, что отличает продвинутую профессионализацию от той, с чем мы имеем дело в случае с социальной антропологией, – мы с разочарованием обнаруживаем отсутствие в течение длительного времени специализированных академических журналов. Не то, чтобы журналов близкой проблематики вообще не было – в Санкт-Петербургском университете уже более 10 лет издается “Журнал социологии и социальной антропологии”. Конечно, следует упомянуть многолетнюю успешную историю академического “Этнографического обозрения”. Есть социологическая, культурологическая, гуманитарная и философская периодика. Ближе всего к социальной антропологии находится, на наш взгляд, междисциплинарный интеллектуальный журнал “Неприкосновенный запас” (НЗ). Наличие таких изданий, как “НЗ” – хороший знак: укрепляются междисциплинарные связи. Однако недостаток специализированных журналов тоже о чем-то говорит (слабая степень развития, мало профессиональных исследований, не хватает ресурсов для запуска журналов). Дисциплина без собственного периодического издания не может считаться институционализированной – это представляется достаточно очевидным. Восполняя данный дефицит, в Петербурге некоторое время назад начали издавать “Антропологический форум”, и важность этого шага велика, но одного журнала для освещения всей широты антропологической проблематики явно недостаточно.

Казалось бы, ближе всех к социальной антропологии по содержанию своих исследований должны находиться российские классические этнографы/этнологи с той славной традицией, которая уходит корнями еще в петровские времена. У них давно были и свои каналы профессиональной подготовки на исторических факультетах университетов, и развитый институт полевых экспедиций, и свой журнал, и академические институты (включая наиболее крупные – Институт этнологии и антропологии в Москве и Кунсткамера в Санкт-Петербурге). Однако институциональное “сожительство”

этнологии и антропологии принесло неожиданные плоды – оно ясно продемонстрировало признаки, по которым российская этнография ясно отличается от социальной антропологии во всех ее историко-философо-социологических ипостасях. Это проявилось, в частности, на некоторых конференциях, где происходили встречи антропологов западных (или получивших за рубежом образование) с российскими этнографами с их локально исповедуемой профессиональной идеологией. На одной из них – международной конференции “Социальная антропология в России как исследовательская и университетская дисциплина: поиски прошлого и будущего”, прошедшей под Санкт-Петербургом на “Даче Кочубея” в сентябре 2007 г.¹¹, обсуждались перспективы развития антропологического образования в России. Организаторы форума, обосновывая необходимость мероприятия, писали: “Из всего спектра социальных дисциплин, представленных в современном российском образовании, социальная антропология остается самым слабым звеном. Ее дисциплинарные границы остаются неопределенными, она не имеет своего институционального фундамента и образовательных программ” (из преамбулы программы).

Авторы этих слов почему-то проигнорировали действующие в 18 вузах образовательные программы, не сочтя их достойными упоминания. Но на самой конференции многие выступающие говорили о необходимости развития другой, настоящей социальной антропологии, соответствующей международным стандартам в содержательном и методическом аспекте.

Другим важным научным мероприятием, показывающим различия между местной классической этнографией-антропологией и европейской социальной антропологией, стала конференция “Разработка новых методов и подходов в социальной антропологии: российско-французский диалог”, прошедшая на базе Института этнологии и антропологии РАН в партнерстве с лабораторией антропологии социальных институтов и организаций (LAIOS – EHES, Франция) и Междисциплинарным институтом антропологии современности (IIAS – EHES, Франция) в сентябре 2008 г. Несмотря на то что многое объединяло докладчиков – они публикуются в одних и тех же международных журналах, участвуют вместе в конференциях, разделяют представления о теоретической базе, – все же различия в риторике российских и французских ученых и содержании их докладов оказались довольно значительными, и их было трудно не заметить. С одной стороны – доклад В. Бобровникова “Этнология религиозного знания в фетвах постсоветского Дагестана”, с другой – темы французов: Я. Жаффре “Антропология и проблемы здоровья населения. Антропологический анализ материнской смертности в Западной Африке”, Э. Миннаер “Вклад антропологии в выработку государственной стратегии призерии престарелых”, Дж. Блундо “Антропология и коррупция. Старые практики, новый объект исследования”. Для нас наиболее важным отличием стал аналитический фокус – французские участники, в отличие от российских, активно обращались к современным сюжетам (европейским и неевропейским), а также к социальным проблемам, обсуждение которых избегали наши соотечественники, фокусируясь на традиционных вопросах этничности, культуры малых народов или методологии, эпистемологии, истории этнографии. Среди выступавших российских ученых были только представители РАН; здесь не было исследователей из независимых центров или с факультетов, отделений социальной антропологии.

Тем не менее изменения налицо. На российских конгрессах антропологов и этнографов стали появляться новые темы и секции, вполне в духе современной антропологии – гендерная, визуальная, городская антропология, этнография академических сообществ (Антропология... 2008; Мифология... 2001); осуществляются издательские проекты, объединяющие антропологов разных школ (Визуальная антропология 2007)¹². Состоялось несколько летних школ по социальной антропологии, время от времени проводятся “круглые столы”, конференции, семинары с актуальной пробле-

матикой, в том числе по социальным проблемам, сформулированной в современном ключе, резонирующей с темами, понятными международной академической общест-венности, издаются книги – отечественных авторов, написанные вполне в духе совре-менных тенденций, и переводы антропологов XX в.

Все это означает, что закат высшего профессионального образования по социальной антропологии вовсе не маркирует ее закат как научной дисциплины – тренды развития науки и преподавания со всей очевидностью не совпали друг с другом. Продолжение роста социальной антропологии несомненно еще и потому, что ее методологический арсенал разделяется социологией, социальной историей, культурологией – тем самым социальная антропология существует как бы в одной из своих ипостасей – в качестве этнографической, или качественной методологии социальных наук.

Социальная антропология как методология

Те подходы в социальных науках, которые отличает акцент на герменевтических стратегиях, изучении микроуровня и “реальных” повседневных взаимодействиях и которые мы здесь будем в соответствии со сложившейся уже традицией называть этнографическими, долгое время характеризовались противоречивым статусом в современной науке. В культурной или социальной антропологии, где такие методы считались более чем легитимными, их возможности по преимуществу ограничивались фокусом на экзотических, удаленных и племенных сообществах, изучении культур-ных “Других”.

В свою очередь, в исследованиях современной городской жизни, индустриализо-ванных обществ этнография как описание “народной”, “туземной” жизни долгое время оставалась экзотическим приемом, которая так и не сумела поколебать легитимность основного позитивистского ядра эмпирической науки об обществе, сформировавшейся в конце XIX в. и укрепившей свои позиции на протяжении почти всего XX в. (Романов, Ярская-Смирнова 1998: 145–160). Устойчивое неприятие феноменологического взгляда на социальную реальность большинством представителей академического мира и прак-тиками, использующими социальные науки для достижения разнообразных конкрет-ных целей в управлении, политике, промышленности, было связано, не в последнюю очередь, с распространенными сциентистскими канонами научности, с их мощными защитными механизмами. Ортодоксальная научная среда, представляющая, по Лорану Тевено (Тевено 2006), неоклассическую “дисциплинарную матрицу”, не приемлет “еретические”, революционные школы или новые течения. При этом каждая такая кон-фигурация научной среды отличается принципами управления научной работой, мето-дическими установками, способами легитимации собственной правоты и значимости.

В международном поле дискуссии о методах социальных наук этнография сего-дня – едва ли не самый широко обсуждаемый метод (Bryman 2001). Традиции поле-вых исследований, основанные Э. Тайлором, Э. Эванс-Причардом и Б. Малиновским, развивались в Чикагской социологической школе. Именно там метод участвующего (включенного) наблюдения нашел легитимацию в социологических исследованиях, а чтение культуры как текста и насыщенное описание наблюдаемых феноменов стали ключевыми приемами авторов, работающих в герменевтической перспективе, пусть и не называющих себя этнографами. Изучение современного общества методами этно-графии ко второй половине XX в. стало если не обычным приемом, то вполне леги-тимной практикой: возник целый корпус публикаций на эмпирических данных, посвя-щенных городским проблемам, субкультурам, организациям, трудовым отношениям.

В России дискуссия о герменевтическом направлении в социологии свелась к дебатам о качественных и количественных методах и не встретила широкого откли-ка в научном сообществе. Несмотря на это, наш анализ показывает, что, например, в таком старейшем и наиболее уважаемом журнале, как “Социологические ис-

следования”, рост публикаций по результатам эмпирических исследований в период с 1990 по 2005 г. увеличился. В общем корпусе ежегодных публикаций, основанных на эмпирических данных, доля статей по исследованиям, связанным с качественными методами, выросла за эти годы с 13 до 18%. При этом доля работ, авторы которых не только используют этнографические данные, но и опираются на герменевтическую методологию, остается на протяжении 15-летнего периода наблюдений стабильной и составляет ежегодно не более 9%¹³. Это может указывать на стабильно низкий интерес к этим подходам среди российских ученых и редакторов журнала, обусловленный устойчивостью предпочтений в локальном научном сообществе, определенным консерватизмом, влияющим на методологические предпочтения исследователей.

Как отмечает М. Буравой, признание эпистемологической специфики социального с неизбежностью склоняет ученого к переосмыслению базовых возможностей и ограничений тех аналитических перспектив, которые сложились в доминирующей позитивистской парадигме (Буравой 1997: 147–154). Ирония заключается еще и в том, что современные этнографы, пользуясь своей микроскопической оптикой, нахально проникают в мастерские и лаборатории доминирующих наук (как естественных, так и социальных), просвечивают и ставят диагноз усилиям по поиску и разработке научных знаний совершенно с новых, неожиданных перспектив. Этот важный шаг в развитии антропологии и этнографии был сделан в 1960-е годы, с появлением когнитивной антропологии, когда исследователи применили имеющиеся инструменты и теории к изучению не экзотических народов в культурно и географически удаленных зонах, а к сообществу ученых. Антропология и этнография тем самым перешли в область культурной критики.

Исследователи, изучающие науку и технику в русле социальной антропологии, сегодня сосредоточены на “лабораторной жизни”, на том, как производятся научные “факты”, как формируются “ученые”, каким образом то, что они делают и говорят, обусловлено социально-экономическими и политическими условиями, в которых они работают. Сюда же можно отнести и исследования медицины, инженерии, экологии. Интересно проследить, как этнография внедряется в эти многообразные исследования о производстве знаний и как одновременно под влиянием ряда факторов растет интерес к применению этнографии в качестве прикладного инструмента. Две эти тенденции взаимосвязаны и позволяют говорить о дифференциации подходов внутри дисциплины, открывающей перспективы для неожиданных новых результатов, в частности в медицинской и экологической антропологии, в этнографии техники.

Наряду с исследованиями естественной науки и техники появляются и работы по этнографии социальной науки (в том числе и той, что изучает естественные науки). В этом случае сам этнографический текст становится предметом дискурсивной критики, поскольку содержит в себе определенные убеждения, знаки отличия, культурные коды. Данный символический строй можно расшифровать, чтобы понять внутренние законы того сообщества, к которому относит себя автор академической публикации (Badley 2004). Рефлексивный сдвиг социальных наук от анализа социальных структур общества в направлении анализа их собственных процессов, идеологий и практик означает поворот к этнографии социальных наук, в том числе феноменологического направления. Работы в русле этнографии академической деятельности как профессии обращают наше внимание на практики производства и коммуникации в социальных науках и их особую институциональную и социальную структуру и динамику, в частности, при изучении индивидуальных и надывдивидуальных стратегий занятости и карьеры в университете. Социальные структуры и процессы, которые являются привычным объектом изысканий социологов, здесь привлекают наше внимание как условия научной работы; артикулируется связь между требованиями и условиями культурного производства в социальных науках, а также их результатами. Таким образом, происходит эпистемологический обмен, переворачивание объекта и предмета.

Этнография выдвигает науку в ряд с другими профессиональными видами занятости, десакрализует, с одной стороны, а с другой – сама становится определенным практикоориентированным индустриальным проектом, приоткрывающим завесу над инструментами и технологиями, при помощи которых возможно продвижение и утверждение в академической среде, создает основу для своего рода карманных путеводителей для новичков, реалистичных и лишенных ложной романтики, принимаемой по умолчанию в отношении этой среды.

Антропология как социальный проект

Рост интереса в обществе к антропологии и этнографии довольно часто объяснялся именно прагматическими мотивами (Малиновский 2004; Фирт 2001; Global Practice 1997); о тесной связи антропологии и управления свидетельствует вся история дисциплины (Романов, Ярская-Смирнова 2004). К. Клакхон в своем учебнике пишет: "...антропология может принести некоторую практическую пользу. Она обладает методиками, пригодными для сбора информации, необходимой для диагностики и интерпретации человеческого поведения. Антропология включает в себя ряд обобщений, выстроенных в течение долгого времени, не нуждающихся в которых государственный деятель, администратор или социальный работник может только по незнанию..." (Клакхон 1998: 297).

Сфера применения этнографии необычайно широка: исследования разнообразных практик, проблем и явлений, бизнес-организаций и уличных субкультур, игр и профессий, кино, шоппинга, преступности, образования, науки, семьи, приютов и больниц... Выбор темы может определяться разными мотивами, не в последнюю очередь и "социальным заказом", т. е. актуальностью тех или иных проблем для общества или государства. Например, исследователи, проводившие включенные наблюдения на промышленных предприятиях в Чикаго в 1920–1930-е годы, были озабочены проблемой производительности труда. Позднее их даже назвали "менеджеральными социологами" (Holzberg, Giovannini 1981: 317–360), поскольку им не удалось поставить под сомнение неравное распределение власти и ресурсов, которые находятся в основе идеализированной гармонии, якобы существующей на фабрике в состоянии эквилибриума. Школа человеческих отношений в управлении, рекомендации которой во многом основывались на выводах первых индустриальных этнографов, была названа "коровьей социологией" за ожидания моментального получения большей отдачи от рабочих в обмен на лучший "уход" за ними.

Идея повышения производительности труда, свойственная модернистским проектам индустриализации общества и рационализации управления, стимулировала реформы в социальной политике, и начиная с 1960–1970-х годов этнография социальных сервисов привлекла внимание зарубежных организационных социологов и антропологов. Стратегия кейс-стади оказалась востребованной в управлении социальными службами при оценке их эффективности (Hall 1974; Jacobs 1969: 413–422; Donnison 1975; Social work... 1983; Романов 2005: 101–110).

Критический заряд, свойственный социальной науке 1960–1970-х годов, способствовал появлению работ о промышленных предприятиях, бизнес-организациях, написанных в духе неомарксизма. Предметом анализа в этих описаниях становились конфликты и отчуждение, эксплуатация рабочих, их реакция на сильную поляризацию власти в организации. Антропологи данного направления были дистанцированы от управленцев, и, возможно, из-за этого их вклад до сих пор остается незамеченным ни формальной организационной теорией, ни программами подготовки менеджеров (Baba 1998). Мы хотели бы обратить внимание на то обстоятельство, что стремление к получению полезных результатов среди марксистских авторов в этот период не ослабло, просто понималось иначе, чем прежде. Такие авторы, как Х. Сафа, М. Бу-

равой, Х. Бейнон, стремились в своих исследованиях не просто найти интересные, с точки зрения академических ожиданий, результаты, но и раскрыть свои интерпретации для прямого воздействия на ситуацию посредством диалога с акторами, главным образом представителями профсоюзов (*Beynon 1973; Safa 1974; Burawoy M. et al. 2000*).

Идеи раскодирования повседневных договорных порядков государственной службы, медицинских учреждений и приютов (*Becker et al. 1961; Blau 1963; Goffman 1961; Strauss at all. 1963: 73–130*) позднее, в 1980-е годы, были подхвачены в работах о так называемом скрытом знании и с интересом восприняты управленцами. Речь шло о том, что люди, занятые в разных сегментах базового процесса труда, знают нечто ценное, благодаря чему способны улучшить этот процесс (или его результаты) и сделать управление более эффективным. В теории управления возник подход *knowledge management*: неформальное, повседневное знание следует признать в качестве корпоративного ресурса и создать в организациях системы выявления и управления таким знанием, формализовать его (*Nonaka, Takeuchi 1995*). При этом этнографический метод оказался весьма востребованным в первую очередь менеджерами: ведь, получив доступ к этому корпоративному интеллектуальному ресурсу, они могли бы “завернуть гайки”, усилить контроль над производством у работников (*Романов, Ярская-Смирнова 2005: 13–49*).

Вообще использование антропологических приемов, этнографии для проникновения в жизненные миры групп, организаций и субкультур придает методу двусмысленный статус. Представляется этакий Опросчик из романа американского фантаста Роберта Шекли “Цивилизация статуса”. Это человек, “выведавающий мнения” у населения в обществе, основанном на парадоксальном сочетании безграничного доверия и тотального контроля, где граждане и правительство одновременно озабочены стиранием различий и соответствием известным классификациям. Опросчику открыты двери в любой дом, его сразу узнают по особому костюму, ведь Правительство специально утвердило списки статусных маркеров, чтобы человека сразу можно было классифицировать по его внешности. Опросчики вечно расспрашивают о классе и статусе, получая, в общем-то, одинаковые правильные ответы: есть только один класс – средний. Этот пример представляет метафору социальной науки, находящейся на службе управления.

Еще один пример: С. Морджен и Дж. Масковски изучают городскую бедность в контексте неолиберальной реструктуризации социального обеспечения, включающей рост рыночно-ориентированных представлений о социальной ценности, производительности и инвестициях, которые довлеют в современной американской гражданской жизни и публичной политике (*Morgen, Maskovsky 2003: 315–338*). Это исследование реформ социального обеспечения в духе критической этнографии, когда проблема производства бедности и неравенства помещается в контекст глобальной системы современного капитализма. Этнография здесь формулирует вызовы популистским суждениям об успехе неолиберальной социальной политики, противопоставляя его жизненным реалиям обнищавших домохозяйств.

Антропологи, этнографы, вторгаясь в приватную сферу домохозяйств могут, с одной стороны, стимулировать критику в адрес аппарата социальной политики, с другой – подготовить почву для политической и экономической интервенции в жизненный мир людей, предоставляя более тонкие механизмы управления народонаселением. Осуществляя пристальное наблюдение и вмешательство в частную жизнь людей и организаций, “туземная наука” переплетается и взаимодействует с академическими, политическими и экономическими институтами, то порождая социальные и культурные проекты управления частной жизнью населения, то становясь на защиту обездоленных и клеймя несправедливость.

Заключение

Институциональная организация социальной антропологии – это не только исследования, публикации, прикладные проекты, сотрудничество с государственными службами, но и образование, популяризация идей и объяснений общества, культуры настолько широко, насколько это возможно, с использованием различных каналов. При этом переплетаются между собой критерии ценности академической дисциплины, публичной политики, рыночных отношений. Разные точки отсчета и область применения социально-антропологических исследований задаются идеологиями конкретных исторических ситуаций, теоретических школ, источниками и структурой финансирования. Тенденции глобальных социальных изменений, происходящих в последние десятилетия, – волны миграции из стран “третьего мира”, формирование полиэтничного рынка труда, интернационализация бизнеса в условиях создания мультинациональных корпораций, динамика потребительского рынка – выдвигают требования к разработке все более изощренных инструментов социального контроля. Жизненные миры, вмещающие потребительские предпочтения, политические взгляды, социальные связи, стоящие за повседневными наблюдаемыми взаимодействиями, не только помещаются в фокус такой герменевтической исследовательской стратегии. Они формулируются в качестве объектов рационального регулирования в целях экономики, политики, социального управления. Но при этом имплицитное знание можно превратить в эксплицитные формы в целях развития организаций и улучшения производимых товаров и услуг, его можно использовать, чтобы стимулировать критику в адрес аппарата социальной политики. Таким образом, эти техники имеют амбивалентное назначение, размещаясь на шкале практической пользы столь же близко к центрам производства властных дискурсов регулирования, как и к полюсам мобилизации слабых, стремящихся расширить свое влияние.

Несмотря на драматичное исчезновение антропологии из числа вузовских специальностей (направлений высшего профессионального образования) в России, мы не склонны к эсхатологическим выводам. Для нас кажется очевидным путь обретения социальной антропологией прочной базы в России – необходимы институты, центры, грантовая поддержка для развития академических исследований, вдохновленных интерпретативной научной традицией. Речь идет о негосударственных научных центрах, исследовательских проектах, дисциплинарных летних школах, тематических семинарах и более широких конференциях. Важно создавать новые журналы и продолжать переводить и издавать классическую литературу и новые книги, готовить отечественные публикации по актуальной проблематике. Следует шире открыть двери международному сотрудничеству, принимая и разрешая новые темы, ракурсы, акценты. Разумеется, не закрыта возможность и для университетского образования, но конфигурация ее будет иной – нам остается развивать социальную антропологию в качестве предмета в учебных планах сохранившихся направлений и в рамках разных других социально-гуманитарных дисциплин, готовить дипломников, магистрантов и аспирантов, т. е. заниматься всем тем, что мы и делали все эти годы, когда специальность у нас была.

Примечания

¹ Ранее – Институт этнографии АН СССР – получил свое нынешнее название в 1990 г.

² Прилож. № 1 к приказу Минобрнауки России от 04.12.2003 № 4482 // http://www.edu.ru/db-mo/mo/Data/d_03/pr4482-1.htm

³ Министерство образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России). Приказ от 12 января 2005 г. № 4 “Об утверждении перечня направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования”.

⁴ В соответствии с данными Федерального портала “Российское образование” <http://www.edu.ru/abitur/act.7/spe.040102/index.php>. Здесь размещена информация почти по всем учебным

программам, но, к сожалению, есть и досадные пробелы – там пропущен Омский государственный университет. Возможно, есть и другие лакуны, так что данные по выпускающим университетам и количеству студентов мы даем приблизительные.

⁵ В Санкт-Петербургском государственном университете действует 5-летняя программа высшего профессионального образования по социальной антропологии; в негосударственном Европейском университете открыта программа “обучающей аспирантуры” по антропологии.

⁶ Список кафедр и специальностей социологического факультета МГУ см.: <http://www.socio.msu.ru/?s=learn&p=general>.

⁷ Все указанные издания имеют гриф УМО по классическому университетскому образованию.

⁸ Данные по США см.: National Science Foundation/Division of Science Resources Statistics, Survey of Graduate Students and Postdoctorates in Science and Engineering <http://www.nsf.gov/statistics/nsf03320/pdf/tech2.pdf>. Данные по Британии взяты из International Benchmarking Review of UK Social Anthropology / Ed. D. Brenneis. L.: ESRC, ASA and RAI, 2005, доступно по адресу http://www.esrc.ac.uk/ESRCInfoCentre/Images/Ant_Book_A-web_tcm6-16599.pdf. Данные по Франции получены с сайта Международного центра научных исследований (International Center for Scientific Research) <http://www.cirs-tm.org/org-fr.php?pays=France&matiere=anthropo&typ=univ>

⁹ Такое определение следует, в частности, в рассуждениях Ю.В. Бромлей (*Бромлей* 1979. Об этом также см.: Романов, Ярская-Смирнова 2000).

¹⁰ Исключение составляет негосударственная программа в Европейском университете в Санкт-Петербурге, выпускники которого должны подыскивать себе для защиты диссертационный совет по традиционным специальностям.

¹¹ Международная конференция состоялась 11–13 сентября 2007 г., организаторы форума – известные своими работами отечественные антропологи: Жанна Кормина (ГУ-ВШЭ, Санкт-Петербург), Сергей Абашин (ИАЭ РАН, Москва, журнал “Этнографическое обозрение”), Николай Скорин-Чайков (университет Кембридж, Великобритания).

¹² Напр., см.: Визуальная антропология 2007, а также выпуски журнала “Этнографическое обозрение” по антропологии профессий (№ 5, 2008), повседневности периода “перестройки” (№ 5, 2006) и др.; выпуски Антропологического форума.

¹³ По данным неопубликованного исследования П. Романова и Е. Григорьевой “Представление данных эмпирических исследований на страницах отечественной периодики” (2006).

Литература

- Антропология... 2008 – Антропология академической жизни / Под ред. Г. Комаровой. М.: ИЭА РАН, 2008. 300 с.
- Бауман 2003 – Бауман З. Законодатели и толкователи // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27) <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html>
- Бромлей 1979 – Бромлей Ю.В. О предмете культурной – социальной антропологии и этнографии в трактовке англоамериканских и советских ученых (опыт сравнительного анализа) // Этнография за рубежом: Этнографические очерки. М.: Наука, 1979.
- Буравой 1997 – Буравой М. Углубленное кейс-стади // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 147–154.
- Визуальная антропология 2007 – Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007.
- Глухачев 2005 – Глухачев В.В. Социальная антропология. Рабочая программа. Новосибирский государственный технический университет, 2005 // http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2tx?p_id=12534;
- Добреньков, Кравченко 2008 – Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология. Инфра-М, 2008.
- Клакхон 1998 – Клакхон К.К.М. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: “Евразия”, 1998. С. 297.
- Колодий 2004 – Колодий Н.А. Социальная антропология. Рабочая программа. Томский политехнический институт, 2004. <http://ctl.tpu.ru/files/antropol.pdf>.
- Кравченко 2005 – Кравченко А.И. Социальная антропология: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М: Академический проект, 2005 (1-е изд. – 2003).

- Крёбер 2004 – Крёбер А.Л. Конфигурации культурного роста // *Альфред Луис Крёбер*. Избранное: природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 197–198.
- Малиновский 2004 – Малиновский Б. Динамика культурных изменений. Исследования расовых отношений в Африке // *Малиновский Б.* Избранное: динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
- Минюшев 1997 – Минюшев Ф.И. Социальная антропология (курс лекций). М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997.
- Мифология... 2001 – Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Матер. науч. конф. 19–21 февраля 2001 г. СПб.: Изд-во “Алетейя”, 2001.
- Погорелов, Соколов 2005 – Погорелов Ф., Соколов М. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: фрагментация петербургской социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. 8. № 2 (31). С. 76–92.
- Почта 2004 – Почта Ю.М. Социальная антропология. Рабочая программа. Российский университет Дружбы народов, 2004 // <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/54720>
- Романов 2005 – Романов П.В. Стратегия кейс-стади в исследовании социальных служб // *Социологические исследования*. 2005. № 4. С. 101–110.
- Романов, Ярская-Смирнова 1998 – Романов П., Ярская-Смирнова Е. Делать знакомое неизвестным. Этнографический метод в социологии // *Социологический журнал*. 1998. № 1/2. С. 145–160.
- Романов, Ярская-Смирнова 2000 – Романов П., Ярская-Смирнова Е. Этнографическое воображение в социологии // *Этнограф. обозрение*. 2000. № 2. С. 18–26.
- Романов, Ярская-Смирнова 2004 – Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.П. Политическая роль прикладной антропологии: управление и развитие в международных отношениях // *Политические исследования*. 2004. № 6.
- Романов, Ярская-Смирнова 2005 – Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.П. Антропологические исследования профессий // *Антропология профессий* / Под ред. П.В. Романова, Е.П. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 13–49.
- Словарь 1990 – Современная западная социология: Словарь. М., 1990.
- Тевено 2006 – Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // *Новое литературное обозрение*. 2006. № 77 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22.html>
- Указатель... – Указатель соответствия между Перечнем направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования и ранее действовавшим Классификатором направлений и специальностей высшего профессионального образования. Прилож. № 1 к приказу Минобразования России от 14.11.2000 № 3260.
- Фирт 2001 – Фирт Р. Значение социальной антропологии // *Личность. Культура. Общество*. Т. 3. Вып. 1. 2001.
- Baba 1998 – Baba M.L. The anthropology of work in the fortune 1000: a critical retrospective: History of Workplace Anthropology: A paper prepared for the Anthropology of Work Review 1998 // http://www.practicalgatherings.com/workplace_anthro/history.html
- Becker et al. 1961 – Becker H., Geer B., Hughes E., Strauss A. Boys in White. Chicago: University of Chicago Press, 1961.
- Beynon 1973 – Beynon H. Working for ford. L.: Allen Lane, Penguin Education, 1973.
- Blau 1963 – Blau P. The Dynamics of Bureaucracy: A Study of Interpersonal Relations in Two Government Agencies. Chicago: University of Chicago Press, 1953/1963.
- Bryman 2001 – Ethnography. 4 vols. / Ed. A.E. Bryman. L.: Sage, 2001.
- Burawoy M. et al. 2000 – Burawoy M. et al. Global Ethnography: Forces, Connections and Imaginations in a Postmodern World. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000.
- Donnison 1975 – Donnison D. Social policy and administration revisited: studies in the development of social services at the local level. L.: Allen and Unwin, 1975.
- Global Practice 1997 – The Global Practice of Anthropology / Eds. M.L. Baba, C.E. Hill. Williamsburg, VA: Studies in Third World Societies, 1997.
- Goffman 1961 – Goffman E. Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates. Garden City; N. Y.: Anchor Books, Doubleday, 1961.
- Hall 1974 – Hall A.S. The point of entry: a study of client reception in the social services. L.: Allen and Unwin, 1974.

- Holzberg, Giovannini* 1981 – *Holzberg C., Giovannini M.* Anthropology and Industry: Reappraisal and New Directions // Annual Review of Anthropology. 1981. № 10. P. 317–360.
- Jacobs* 1969 – *Jacobs J.* “Symbolic Bureaucracy”: A Case Study of a Social Welfare Agency // Social Forces. 1969. Vol. 47. № 4. P. 413–422.
- Morgen, Maskovsky* 2003 – *Morgen S., Maskovsky J.* The Anthropology of Welfare “Reform”: New Perspectives on U.S. Urban Poverty in the Post-Welfare Era // Annual Review of Anthropology. 2003. Vol. 32. P. 315–338.
- Nonaka, Takeuchi* 1995 – *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation, Oxford University Press, 1995.
- Safa* 1974 – *Safa H.I.* The Urban Poor of Puerto Rico: a Study in Development and Inequality (Case Studies in Cultural Anthropology). N.Y.: Holt Rinehart & Winston, 1974.
- Social work... 1983 – Social work in context: a comparative study of three social services teams. L.: Tavistock, 1983.
- Strauss at all.* 1963 – *Strauss A., Schazman L., Ehrlich D., Bucher R., Sabshin M.* The hospital and its negotiated order. The hospital in modern society / Ed. E. Friedson. N. Y.: Makmillan, 1963. P. 73–130.

P.V. Romanov, E.R. Yarskaia-Smirnova. Social Anthropology: Education, Discipline, Profession

Keywords: social anthropology, scholarship, higher education, profession

The article discusses problems of the institutional organization of social anthropology as a scholarly field and higher education discipline in the present day Russia. The authors analyze the specificity of symbolic struggles among academic communities in the context of current legislative decisions on the system of professional staff reproduction. Of particular interest is the fact that social anthropology has not been included in the official roster of higher education disciplines approved by the Ministry of Education in Russia; however, as the authors demonstrate, the complex and contradictory development of this academic field in the country is still continuing.